

Анна
Чиж-Литаш

дары Бога

Анна Чиж-Литаш

Дары Бога

«Четыре четверти»

2018

Чиж-Литаш А.

Дары Бога / А. Чиж-Литаш — «Четыре четверти», 2018

ISBN 978-985-581-184-9

Десятилетняя Алена приезжает на каникулы к бабушке. Солнце, друзья, свежий воздух, веселье – беззаботное время. Однако она то и дело сталкивается с жестокостью и несправедливостью. Познакомившись с девочкой-инвалидом, страдающей детским церебральным параличом, Алена пытается спасти ее от одиночества. Эта книга о детстве, о том, каким оно может быть и прекрасным, и жестоким. Она – и о родителях, которые, сами того не замечая, коверкают судьбы детей. Эта книга еще и о детской любви: чистой, искренней, огромной. И самое главное: это книга о непоколебимой вере в чудеса. Они действительно случаются.

ISBN 978-985-581-184-9

© Чиж-Литаш А., 2018
© Четыре четверти, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	24
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Анна Чиж-Литаш

Дары Бога

© Чиж-Литаш А., 2018

© Оформление. ОДО «Издательство “Четыре четверти”», 2018

* * *

Посвящается моей бабушке Бобко Анне Константиновне.

Спасибо тебе за удивительное детство.

Я была счастлива.

По-настоящему счастлива.

Господи, Иисусе Христе, Сын Божий, благослови, освяти, сохрани сие чадо мое силою животворящего Креста Твоего. Милосердный Господи Иисусе Христе, Тебе вручаю чад наших, дарованных нам Тобою, исполни наши моления. Прошу Тебя, Господи, спаси их путями, которые Ты Сам веси. Сохрани их от пороков, зла и гордости, и да не коснется души их ничто, противное Тебе. Но веру, любовь и надежду на спасение даруй им, и да будут они Тебе избранными сосудами Духа Святого, и да будет свят и непорочен пред Богом жизненный их путь. Благослови их, Господи, да стремятся они каждую минуту жизни своей исполнить Твою Святую волю, дабы Ты, Господи, мог всегда пребывать с ними Духом Твоим Святым.

Аминь.

Глава 1

1997 год

Беларусь, город Барановичи

Алена Синичкина, крепко ухватившись за ручки большой дорожной сумки, тащила ее по земле. Девочка то и дело останавливалась, чтобы перевести дыхание, и снова принималась за дело. Аркадий Петрович захлопнул багажник машины и глазами стал искать поклажу. Увидев, что дочка старательно пытит над ношей, он невольно улыбнулся и направился к ней.

– Доча, ну зачем ты взяла такую тяжесть? – он поднял сумку с земли и нежно погладил Алену по волосам.

– Папа, только аккуратно! – серьезным тоном сказала она. – Там вся моя жизнь!

Екатерина Викторовна шла позади. Услышав слова дочери, она громко рассмеялась.

– А что там лежит? – спросил Аркадий Петрович, не расслышав слова дочери.

– Куклы и игрушки. Ты не видел как она паковала сумку? – уточнила Екатерина Викторовна.

– Нет.

– Она привезла все игрушки! И то я еле уговорила не брать с собой домик для Барби. Иначе он занял бы половину «Жигулей».

– Ну и зачем тебе все это? Ты через десять минут бросишь сумку в комнате и умчишься на улицу с друзьями, – недовольно бурчал Аркадий Петрович.

– Мне все пригодится! Понимаешь?

– Конечно, понимаю, – отец еле сдерживал улыбку, которая пряталась в мелких складочках морщин на его лице.

Алена скинула туфли на крыльце и сломя голову побежала в дом.

– Бабушка! – худенькое детское тельце повисло на усталых плечах Анны Владимировны.

– Девочка моя, как же я соскучилась! – она покрывала лицо и голову внучки поцелуями. – Бог мой, ты почему такая худая? Одни кости! Вы вообще кормите ее?

– Здравствуй, мама, – Екатерина Викторовна нежно поцеловала женщину, которая уже минуту не выпускала из объятий ее дочку. – Конечно, кормим. Но ты же знаешь, что это задача не из легких! Для начала нужно ее поймать, а это порой сделать просто невозможно! Вихрь в юбке!

– Так, а где Алеся? – Анна Владимировна осмотрелась по сторонам.

– Она уснула в машине. Мы решили не будить, – Аркадий Петрович выглянул в окно.

– Бабушка, а Даша здесь?

– Да, уже приходила сегодня, спрашивала, когда ты приедешь.

– Ну тогда я побежала, – бросила Алена уже на ходу, завязывая светло-русые волосы в хвост.

– Стоять на месте! – крикнул Аркадий Петрович. – А сумка? Давай, иди разбирай вещи. Или за тебя это будет делать бабушка?

– Ну па-а-апа, – девочка жалобно растягивала слова. – Я потом все разберу, честно! – Алена стояла на пороге, одной ногой уже находясь на улице, и ковыряла пальцем деревянную дверь. – Вот представь, ты не видел дядю Пашу целый год и, наконец, появилась возможность погулять с ним, а тебя мама заставляет разбирать сумку! Разве это справедливо? – она приподняла выгоревшие брови и укоризненно посмотрела на отца.

Улыбка проскользнула по его лицу, как он ни пытался ее спрятать, придавая лицу напускную важность.

– Иди уже! – махнул он рукой. – Но ты не ляжешь спать, пока не разложишь свои вещи по местам.

– Спасибо, папуля! – Алена, споткнувшись сначала о сумку, а затем о свои же туфли, которые валялись по разные стороны крыльца, пулей вылетела на улицу.

– Алена, обуй туфли! – крикнула в окно мама.

– Ну лето же! – бросила в ответ девочка, уже пересекая улицу.

Дом Ивы Анны Владимировны (так звали бабушку Алены) располагался в частном секторе Баранович – достаточно большого белорусского города, который уступает по площади и населению лишь своим областным братьям и Бобруйску. Местность была усеяна деревянными и кирпичными домиками, поэтому частный сектор больше напоминал деревню, расположенную вблизи города. Люди здесь жили разные: и трудяги, и любители побездельничать и злоупотребить спиртным; и скромные порядочные горожане, и эгоисты с раздутым самомнением. Но все вместе они представляли собой один живой организм, который работал бесперебойно.

Дома здесь были похожи друг на друга. С улицы к ним вели кирпичные или бетонные дорожки, а сбоку и сзади расстилались огороды, которые и занимали почти всю территорию участков. Это была золотая жила – земля кормила и поила людей весь год. Каждое утро с первыми лучами солнца почти «деревенские» жители вставали и шли трудиться на земле. До сих пор так и остается загадкой, кто из них – солнце или люди – вставал первым. Возможно, именно шум лопат и тяпок будил желтую звезду, вытаскивая ее из-под теплого одеяла. Съедобный разноцветный ковер небрежно лежал на земле: легкий ветерок трепал зелень укропа и петрушки; ровные, словно отмеренные линейкой, грядки были устланы желтоватыми листьями огурцов; на невзрачных стеблях картофеля распускались фиолетовые соцветия, сообщая о том, что в утробе земли зарождается жизнь... Весь этот ансамбль красок неистово трепетал от прикосновений солнца и ветра.

– Мама, ты точно справишься с ними? – Екатерина Викторовна доставала из пакетов гостинцы, привезенные из дома. – Ладно, Алеся, она уже совсем взрослая, но за Аленой нужен глаз да глаз. Это просто черт в юбке!

– А то я не знаю! – Анна Владимировна хлопнула в ладоши. – Как будто ты их в первый раз оставляешь! В прошлом году было то же самое! Мне не тридцать лет, но и в свои семьдесят чувствую себя замечательно. Справлюсь! – махнула она рукой.

Анна Владимировна выглядела гораздо моложе своего возраста. Она была женщиной невысокого роста, достаточно плотной комплекции, но толстой ее назвать было нельзя. В каждом движении кипела жизнь. Она ловко справлялась с домашними делами, огромным огородом, способным прокормить в сезон взвод солдат, и небольшим хозяйством в составе десяти куриц и собаки, которая могла быть кем угодно, но только не надежным сторожем. Несмотря на горькую судьбу, Анна Владимировна не утратила силы духа и старалась радоваться мелочам. Муж умер от цирроза печени тридцать лет назад, и женщина с двумя детьми осталась один на один с судьбой. С младшей, Катей, никогда проблем не было. Дочка училась на одни пятерки, занималась в музыкальной школе и пела в городском ансамбле. После окончания технического училища Катя познакомилась с Аркадием Синичкиным. Через полгода он сделал ей предложение и увез молодую жену в Россию, где в это время проходил службу. А вот с сыном Сергеем Анна Владимировна выпила не один кувшин горя. Жизнь уготовила для него тернистый путь, через год после свадьбы забрав любимую жену. С того дня он начал пить и буквально за год превратился в алкоголика. Жил он через улицу от матери, но, напившись, каждый раз приходил к ней и требовал денег на спиртное. Сергей не работал, перебиваясь временными заработками или сдачей стеклотары, которую каждый день собирал по округе. Анна Владимировна жалела сына больше, чем кого-либо на этой земле. Она закрывала глаза на его пьяные дебоши, оскорбления и даже побои, не решаясь вызвать милицию. «Это же мой сын, – повторяла она, – как я могу предать его». В трезвом состоянии Сергей был прекрасным человеком:

добрым, трудолюбивым, любящим детей и животных. Но как только в воздухе появлялся запах алкоголя, он тут же словно надевал маску, перевоплощаясь в нечисть.

– Как Сергей? – Екатерина Викторовна виновато посмотрела на мать, как будто стеснялась своего вопроса.

– Так же, – тихо ответила она. – Ничего уже не изменится. Это мой крест.

– А это еще что? – подойдя к матери, Екатерина Викторовна показала на ее морщинистую, покрытую гребешками вен руку. Как грозовая туча, синяя гематома обвивала женское предплечье.

Анна Владимировна махнула рукой.

– Он опять распускал руки? – в глазах дочери появились слезы.

– Он не распускает руки, просто иногда как вцепится, так не отодрать! – женщина погладила больное место.

– Мама, мне обязательно нужно поговорить с ним еще раз! Может, он все-таки согласится закодироваться? В Минске делают эту процедуру! Мы заплатим.

– Он не согласится. Не о чем тут говорить, – сказала как отрезала Анна Владимировна, больше не желая разговаривать на эту тему. – Когда вы назад?

– Завтра. В понедельник Аркадию на службу.

– Так и служит на границе... Когда его уже переведут куда-нибудь, а то вы там зачахнете в своей глуши.

– Возможно, и переведут. Уже давно пора. Засиделся он на этом месте.

– Ну и хорошо, – спокойным тоном сказала Анна Владимировна. – Скоро два часа, пойдем собирать обед. Алена будет кушать?

– Ну, если мы ее поймем, то, возможно, мне удастся запихнуть в нее пару ложек. Куда она побежала?

– К Даше. Вон они на крыльце сидят, – она отодвинула тюль и посмотрела в окно. Внучка активно жестикулировала, что-то быстро рассказывая подружке.

– Одни кости! – снова начала причитать Анна Владимировна. – Ну, ничего, вы приедете и не узнаете ее. Я вам обещаю.

Глава 2

Алена бежала по переулку, спотыкаясь о мелкие камушки и теряя на ходу новые голубые поролоновые шлепанцы. Они были последним пискom моды: толстая подошва напоминала слоеное пирожное из выпуклых разноцветных полосок прочного поролона; спереди материал был заплетен в «косичку», которая покрывала верх стопы. Увидев их когда-то на рынке среди синтетического обувного разнообразия, Алена прыгала от радости, цепляясь за мамин локоть и умоляя купить их. Девочка резко остановилась и огляделась по сторонам, пытаясь найти потерянный шлепок, который валялся в траве у забора. Алена рванула назад. Шлепок был порван: «косичка», не выдержав нагрузки, разорвалась на две части. Девочка взяла находку в руки, и слезы хлынули из глаз. Она судорожно вертела его в руках, пытаясь оказать первую медицинскую помощь. Понимая, что реанимационные действия не помогают, сняла второй, засунула под мышку и босиком побежала к дому.

– Дядя Сергей! Дядя Сергей, – Алена с такой силой толкнула калитку, что та жалобно закричала. – Помогите! – она трясла шлепанцем возле его лица, пытаясь сквозь слезы объяснить, что случилось.

Сергей плохо соображал, что хочет племянница. Ее голос громом и молнией стучал в висках – мужчина пил несколько дней подряд, ночуя под заборами соседских домов и пытаясь тем, что попадет под руку. Но, увидев слезы ребенка постарался взять себя в руки.

– Не переживай, – мозолистой рукой Сергей вытер горькие слезы с ее розовых щек. – Сейчас что-нибудь придумаем, – он скрылся в сарае, держа в руках «умирающего больного».

– Только ты обязательно должен что-нибудь придумать! Иначе никак, – Алена следовала за дядей по пятам, становясь на цыпочки перед высокими столами, чтобы разглядеть, как идет починка.

Сергей достал из шухляды самодельного шкафа суперклей, нанес его и быстро соединил порванные концы. Затем что есть сил сжал их и не отпуская больше минуты. От напряжения его лицо стало красным.

– Теперь ему нужно полежать, чтобы клей взялся.

– А сколько дней он будет так лежать?

– Думаю, завтра все будет готово. Но бегать в них уже не сто́ит – иначе снова порвутся.

Алена прикусила губу, стараясь не расплакаться. Она с тоской посмотрела на чудесный шлепанец, который навсегда останется «инвалидом», и направилась в сторону дома. Девочка села на крыльцо, поставив босые ноги на бетонные ступеньки, и опустила голову на сложенные руки. Белокурые волосы упали на худенькие плечи, которые то и дело сотрясались от слез.

– Котик мой, ты чего грустишь? – Анна Владимировна появилась на веранде с полотенцем в руках. Она как раз готовила обед и увидела внучку в окно.

– Бабушка, я порвала шлепанец!

– Ерунда какая! Дядя починит.

– Уже починил, но мой шлепанец больше никогда не будет прежним! Бабушка, это так ужасно! Мама не купит мне новый...

Анна Владимировна присела рядом с внучкой.

– Послушай, у меня скоро пенсия, мы с тобой пойдем и вместе купим самые красивые сланцы!

Алена тут же подняла голову и бросилась в объятия к спасительнице.

– Милая моя бабушка, я тебя так люблю!

– Ой, лиса! – она потрепала Алену по светлым чуть вьющимся волосам.

Обнявшись, они несколько секунд сидели в тишине, слушая дыхание и стук сердец друг друга. Нарушила молчание Алена.

- Даша рассказала мне, что Катя с родителями переехали в город...
- Да, они продали дом.
- И теперь будут жить в квартире? А как же Жужик и Леопольд? – Алена вспомнила маленькую собачку и лохматого кота, которых так любила. – Они забрали их с собой?
- К сожалению, нет. У них маленькая квартира.
- Алена вскочила со ступенек.
- Как же так? – воскликнула она, и ее губы снова задрожали. – И где они теперь будут жить?
- Их отдали соседям, пока те не подыщут для животных новый дом.
- Разве так можно?! – Алена негодовала. – Разве можно бросать друзей только потому, что появилась новая квартира! Как Катя могла так поступить! – из детских глаз брызнули слезы.
- Вряд ли Катя могла что-то сделать. Так решили ее родители. Я думаю, что она очень переживала...
- Могла! Она могла попросить их! – Алена стояла на своем. – Я не прощу этого Кате! Хорошо, что она уехала!..
- Не надо так. Пойми, милая, иногда обстоятельства сильнее нас. И нам приходится принимать решения наперекор голосу сердца. Во взрослом мире так бывает.
- Я не буду взрослеть! В моем мире такого нет!
- Анна Владимировна, не выдержав, рассмеялась.
- Пирожок мой, но тебе придется повзрослеть, так устроена жизнь.
- Ладно, я повзрослею, – с серьезным лицом ответила внучка, – но я буду другой! Вот увидишь! – она снова села на крыльцо. – Бабушка, но я видела, что дверь в Катином доме открыта. Там кто-то живет?
- Его купили новые жильцы.
- И кто они? Там есть дети? Было бы здорово, если бы там жили дети...
- Анна Владимировна замялась, подбирая нужные слова.
- Понимаешь, котик, там есть дети, точнее, девочка. Кстати, твоего возраста...
- Ух ты! – Алена перебила бабушку и ловко спрыгнула с крыльца. – Я побегу познакомлюсь.
- Подожди! – резко крикнула Анна Владимировна.
- Алена удивленно и одновременно испуганно посмотрела на бабушку.
- Эта девочка... Ее зовут Женя... Она не совсем здорова...
- Может, ей нужны лекарства? Я могу сбегать в аптеку! Или ягоды? Давай я нарву ей баночку смородины или поречек¹! – девочка в предвкушении потеряла маленькие ладошки.
- Ей это не поможет, – Анна Владимировна снова замялась, мысленно ругая себя за то, что заранее не подготовилась к такому разговору. – Девочка не может ходить, – наконец сказала она.
- Алена тихонько села рядом и внимательно посмотрела на бабушку.
- Она передвигается в инвалидном кресле.
- И эта девочка не сможет ходить больше никогда? – в глазах внучки было столько сострадания, что Анна Владимировна не решилась сказать ей правду.
- Я не знаю. Наверное, сможет. Но лечение очень длительное. Возможно, оно займет много лет.
- Ничего страшного! – Алена снова улыбалась. – Главное, что девочка сможет ходить!
- И еще. Она почти не умеет разговаривать.
- Это как?

¹ Красная смородина (бел.).

- Ну, у нее проблемы с речью... Но она все понимает и хорошо изъясняется жестами.
- А ртом, как я, она не может говорить? Я не понимаю тебя, бабушка.
- Ну, представь, что у тебя полный рот каши и ты не можешь произнести ни слова.
- А я выплуну кашу или проглочу ее и снова смогу говорить.
- Вот видишь, а она не может ее выплюнуть, понимаешь?

Алена замолчала. Ее бровки изогнулись, и на лбу появились тонкие складочки. Она думала. Спустя минуту девочка заговорила.

– Бабушка, это так ужасно! Ты не можешь бегать и прыгать через резинку. А еще ты не можешь залезть на дерево и нарвать спелых яблок. Или прыгнуть с разбегу в речку и окунуться с головой... Это очень плохо, – девочка разглядывала крышу теперь уже Жениного дома сквозь могучие ветки старой яблони. – А я переживаю из-за порванного шлепанца. Я такая бесстыдница!

Анна Владимировна рассмеялась, но на ее глазах выступили слезы.

– Бабушка, я не хочу новые шлепанцы! – Алена встала с крыльца и вышла за калитку.

Девочка медленно шла по песчаному переулку, обдумывая слова бабушки. Она не могла понять, как можно не уметь ни ходить, ни разговаривать. Ведь это так просто: встать и идти; или открыть рот – кажется, слова сами вихрем вырвутся изнутри. А как же приятно петь. «Я обязательно ее научу, – думала Алена. – Просто она, наверное, не знает как! Взрослые все объясняют неправильно!»

Размышляя, девочка и не заметила, как подошла к Жениному забору. Прежний, деревянный, новые хозяева безжалостно снесли, установив на его месте бетонный. Подобный дизайн только входил в моду и был не всем по карману. Алена сновала вдоль этого мощного забора, пытаясь найти хотя бы маленькую щелочку. Когда попытки не увенчались успехом, она обратила внимание на небольшое бревно, лежащее вблизи аккуратной стопки таких же деревянных столбиков. Толкая находку то руками, то ногами, подкатив-таки к нужному месту, взобралась на нее, привстала на цыпочки и заглянула во двор. На улице она никого не увидела, хотя входные двери были открыты настежь. Алена перевела взгляд на фасад дома: в некоторых местах он уже был обложен кирпичом, который замуровал, как ненужное прошлое, старые прогнившие доски. На окнах висели незнакомые занавески, от ветра они то и дело вылетали наружу. Когда после очередного порыва тюль снова оказалась на улице, Алена заметила силуэт, точнее, только голову и руки девочки. Это была Женя. Увидев ее, Алена радостно замахала рукой, но ответного жеста не дождалась. Женя смотрела на странную девочку, висевшую на заборе, но ни один мускул на ее лице не выдавал интереса. Еще секунда – и она одернула занавеску, силой затащив ее в дом, а затем и вовсе скрылась из виду. «Может, она просто не увидела меня?» – Алена была подавлена. Еще немного повисев на заборе, она спрыгнула и, толкая перед собой бревно, направилась в сторону дома. «Почему Женя не ответила мне? – маленькое сердце трепетало от сомнений. – Она не могла меня не видеть!»

Алена подкатила бревно к прежнему месту и, стиснув зубы, попыталась аккуратно уложить его обратно. Встав на цыпочки, она со всей силы бросила его на другие бревна. От удара поленья с грохотом разлетелась, и одно из бревен ударило Алену по ноге. От боли девочка закричала и присела. Из коленки сочилась кровь. Алена стремительно бросилась к траве, что ровной полоской стелилась вдоль забора, сорвала подорожник, смочила его слюной и приложила к ссадине.

– Что я наделала! – девочка в ужасе обхватила голову руками. Бревна разбросало по всей дороге, перегородив проезд машинам. Непрошенная гостья испугалась, что хозяева дома сейчас же покажутся и отшлепают ее как следует. Но никто не вышел, видимо, их не было дома. Алена быстро начала складывать бревна, стараясь воспроизвести в памяти, как именно они лежали. Весили они немало, поэтому она могла брать только по одному. Укладывая их на прежнее место, девочка быстро устала. Волосы ее были мокрыми, а щеки пылали, как спелые яблоки.

– От тебя вечно одни неприятности! – Алена услышала знакомый голос. Сначала она не поняла, откуда он доносится, и огляделась по сторонам. Она чувствовала себя вором, которого поймали с поличным. Увидев вдалеке Инну, она сложила руки на груди и приготовилась к защите.

– Что ты сказала? – крикнула Алена.

– Я говорю, что ты вечно приносишь неприятности, – бросила в ответ Инна, катаясь на калитке.

– Я случайно зацепила бревно!

– Не ври! Я все видела. И как ты подсматривала за новыми жильцами, и как разрушила склад бревен. Вру-у-ушка-а-а-а! – последнее слово она умышленно растягивала, делая ударение на каждом слоге. – Я все расскажу!

– Только попробуй! – Алена, готовясь на сей раз к нападению, опустила руки на талию. – Вместо того, чтобы каркать, как ворона, пришла бы и помогла мне!

– Еще чего! – Инна продолжала раскачивать калитку, которая от каждого движения издавала жуткий скрип. – Ты разбросала, ты и собирай!

Инне Забенько недавно исполнилось девять лет. Алена была знакома с ней уже три года. Продав квартиру в городе, семья Забенько купила здесь старый дом и построила на его месте двухэтажный кирпичный дворец. Инна всегда отличалась сложным характером. Подруг у нее было мало, но, когда дети собирались вместе для игр, она всегда старалась быть в центре внимания, не считаясь с интересами остальных. Ее брат Кирилл был на два года младше, но тоже успел прослыть забиякой и драчуном. Все конфликты, то и дело вспыхивающие среди детей, затевали именно Забенько. Их родители не придавали значения постоянным жалобам на детей, выгораживая своих чад без лишних разбирательств – взрослые были поглощены благоустройством нового дома, вкладывая в него большие деньги и выставляя на всеобщее обозрение покупки – будь то диван, стоящий на лужайке целый день, или стиральная машина, как бы случайно прислонившаяся к забору. Когда они удостоверались в том, что обновки увидели все соседи, вещи отправлялись в дом. Сейчас Забенько были заняты возведением нового кирпичного забора. Рабочие как раз разгружали очередную партию материала рядом с безжалостно снесенной старой изгородью. Единственным напоминанием о былой жизни была калитка, на которой висела Инна. Но и она была Алене не в радость: после каждого скрипа хотелось закрыть уши или подбежать и сбросить с нее вредную девчонку.

Алена еще немного постояла, разглядывая Инну и перебирая в голове неприятные слова, которыми хотела бросить в нее, но все же промолчала. Повернувшись к обидчице спиной, она продолжила собирать оставшиеся бревна, не реагируя на доносившиеся реплики Инны. Отряхнув руки от щепок и пыли, девочка собралась уходить, но снова бросила взгляд в сторону Жениного дома. Глухой бетон прилегал к соседскому забору неплотно, оставляя небольшую щель. Алена подошла поближе и заглянула внутрь. На крыльце стояло инвалидное кресло, в котором сидела Женя. Ее темно-русые волосы развевались на ветру, а спина была прямой, словно под майкой пряталась штaketина. Девочка в кресле резко обернулась и посмотрела в ее сторону. Алена испугалась, что ее заметили, и бросилась бежать со всех ног в сторону дома, снова теряя шлепки.

Глава 3

Марина приехала через два дня. Алена увидела через переулок ее оранжевую майку и завизжала что есть сил.

– Господи! Что случилось? – Анна Владимировна выбежала из кухни, в три шага оказавшись возле внучки.

– Марина приехала! – Алена радостно прыгала на месте.

– Я думала, с тобой что-то случилось! Не пугай меня так!

– Все, я пошла, – на ходу крикнула Алена.

Она заглянула сначала во двор к бабушке Лиде, затем пробежала по бетонной дорожке и аккуратно, почти на цыпочках, пройдя через узкие тропинки между грядок, оказалась у деревянного забора, покрытого плесенью. Ловко достав несколько досок, девочка пролезла в щель и, очутившись уже во дворе Марины, поставила доски назад, снова спрятав тайный ход. Импровизированная калитка появилась три года назад, когда соседкам надоело ходить друг к другу, огибая целую улицу. И теперь, чтобы оказаться в гостях, требовалось всего несколько секунд.

Алена обошла курятник и теплицу и оказалась перед входом в дом. Хотя жилье бабушки Яни было сложно так назвать. Скорее, это был сарай, переделанный под летнюю дачу. Если смотреть на него с улицы, можно увидеть, как под гнетом времени, болезней и старости он покосился набок, готовый в любую минуту уйти на покой, превратившись в грудку трухлявых досок. Но внутри было неожиданно уютно: там размещались две крошечные комнатки, одна из них была совмещена с кухней, в углу которой стояла печка. В другой комнате находились две кровати, шкаф, маленький столик и старый телевизор, транслирующий три канала. Потолки были такими низкими, что даже десятилетней Алене приходилось пригибать голову, чтобы не удариться. Вдоль дома тянулась большая скамейка, спинкой которой служила стена. Алена обожала этот дом и его многочисленных мохнатых обитателей: собачку Тяпу, котов Валика, Бориса и кошечку Марфу. Мужская половина питомцев была названа, как рассказывала сама бабушка Яня, в честь ее бывших мужей. Коты воинственно восседали на скамейке, разглядывая проходящих по улице людей. Бабушка Яня сидела рядом и вылавливала блох в шерсти Тяпы, ловко раздавливая их ногтями.

– Доброе утро, бабушка Яня! – Алена уселась рядом на скамейку. – А где Марина?

– Она в доме, разбирает вещи. Сейчас выйдет.

– Вы не боитесь их? – Алена показала маленьким пальчиком на раздавленную блоху, которая следом за другими отправилась в стеклянную банку.

– А чего их бояться? – ухмыльнулась бабушка.

– Ну, а вдруг они перепрыгнут на вас! И поселиться в ваших волосах, – девочка скривилась, как после съеденного неспелого крыжовника.

– Эти блохи живут только на животных, люди их не интересуют.

Алена, сомневаясь в словах бабушки Яни, рефлекторно отсела подальше. Тут из дома вышла Марина, и девочка сразу же забыла о блохах, заключив подругу в крепкие объятия. Взявшись за руки, они прыгали на месте, поднимая с земли сухой песок.

– Ну все, все! Хватит! Сейчас все ноги будут черные! – сказала бабушка Яня, недовольно причмокивая языком.

– Бабушка, мы пойдем погуляем. Нам есть о чем поговорить, – серьезно сказала Марина. – Вернусь к обеду, – бросила она на ходу.

Алена знала Марину сколько себя помнила, ведь та была ее лучшей подругой. По крайней мере, в Барановичах. Дома в Орше у нее была еще одна близкая подруга Таня, и Алена никак не могла определиться, кто из них для нее важнее. Алена всегда считала Марину невероятно красивой. Ее огромные кукольные карие глаза с веером длинных ресниц, бледно-розовая кожа

и губы в форме бантика напоминали ей лицо любимой куклы. Марина была худощавого телосложения и, в отличие от Барби, невысокого роста. Алене всегда казалось, что подружку плохо кормят, настолько худыми были ее руки и ноги. Марина жила на окраине города в двухкомнатной квартире с родителями и старшей сестрой. К бабушке она приезжала только на лето, точнее, родители загружали ее вещи в старенькие «Жигули» и высаживали дочку с сумкой возле калитки. Через минуту их машина скрывалась в известном направлении и возвращалась лишь в конце августа. Мама Марины была в ссоре со своей матерью, поэтому, привозя дочь, даже не открывала калитку, чтобы поздороваться. Что именно стало причиной их раздора, никто из посторонних не знал, а бабушка Яня подробности никому не рассказывала. Отец Марины много пил, порой даже поднимал руку на жену – девочка не раз видела их ссоры. Тогда она закрывала уши, пряталась в своей комнате и не выходила из нее, пока ужасные крики не стихали. Наверное, именно из-за этого в огромных голубых детских глазах поселилась печаль. Даже когда девочка улыбалась и смеялась от души, в них таилась тоска. Марина мало разговаривала, особенно в компании взрослых, прячась за спину подружки и тайком наблюдая за происходящим. Единственным человеком, которому она доверяла, была Алена.

Свою бабушку Яню девочка недолюбливала и побаивалась. Но родители не спрашивали, хочет она ехать к бабушке или нет. Они просто сажали ее в машину и оставляли здесь на долгих три месяца. Бабушка же, наоборот, была рада видеть внучку, но только в качестве еще одних рабочих рук: возраст был беспощаден к ней, забирая физические силы, а вместе с тем и возможность нормально работать. Поэтому Марина была для нее спасением: женщина поднимала внучку в семь утра и, пока солнце не усядется на трон на самой макушке неба, отправляла ее работать в огороде. Девочка привыкла к труду и не ныла от тяжелой работы, хотя звонкие голоса за забором и стук мяча о ворота заставляли ее маленькое сердце сжиматься до размеров изюминки. Но Марина знала: как только стрелки часов покажут двенадцать, она бросит тяпку и ведро, забитое доверху сорняками, и умчится сломя голову навстречу детству. Иногда бабушка заставляла помогать поливать огород, едва ли не силой забирая внучку с улицы, когда игра только набирала обороты. Девочка не плакала и не сопротивлялась, она покорно брала бабушкину руку и тенью исчезала за дряблым забором.

– А почему ты не заставляешь меня работать в огороде? – как-то спросила Алена у своей бабушки, когда Марину снова увели с улицы. – Может, ты стесняешься меня попросить? Так ты скажи, и я буду работать.

Анна Владимировна переворачивала на сковороде котлеты, одновременно другой рукой помешивая кипящий суп.

– Потому что ты ребенок и твое дело играть, а не работать.

– А почему тогда бабушка Яня заставляет Марину работать?

Анна Владимировна замолчала, пытаясь подобрать нужные слова.

– Яне некому помочь, вот она и просит Марину, – ее лицо стало серьезным. – Хотя я против этого.

– Почему?

– Я же тебе говорю, дети должны играть. Помогать, конечно, нужно. Ты же мне помогаешь. Вчера ты помогла мне помыть посуду, а сегодня собирала колорадских жуков с картошки. Это ведь помощь, правда?

– Да, – с гордостью сказала Алена. – Ты меня зови, я тебе еще помогу. Бабушка, может, мне стоит помочь Марине? Я ведь ее друг...

– Не стоит. Лучше не вмешивайся, это их дело, и пусть они сами решают свои вопросы.

Анна Владимировна знала, что если Алена хоть раз поможет подружке, то Яня будет просить ее помогать все время. «Бедная Марина», – подумала она, вспомнив печальные глаза девочки.

– Бабушка, мне нужно кое-что тебе рассказать. Это очень важно, – Алена ковыряла обшивку углового дивана на кухне, потупив глаза в пол, – иначе я не смогу спокойно спать.

– Что случилось? – Анна Владимировна отложила деревянную лопатку и села рядом с внучкой за круглый кухонный стол. Она подняла свои усталые глаза и ласково посмотрела на Алену. Та продолжала молчать. Поток воздуха подхватывал ароматы укропа и петрушки, растущих возле окна, и силой загонял в дом, наполняя кухню чудесными запахами земли и зелени.

– В общем, дело обстоит так, – девочка, сделав глубокий вдох, рассказала бабушке, как подсматривала за Женей, а та даже не улыбнулась ей; как потом рассыпала соседские поленья и осталась незамеченной...

Анна Владимировна слушала внучку с серьезным лицом, сдерживая себя, чтобы не рассмеяться.

– Зачем ты подсматривала за ней?

– Я хотела познакомиться и помочь! – выпалила внучка. – Я хочу научить ее разговаривать. Я способная, папа так всегда говорит, у меня обязательно получится! – она захлебывалась эмоциями.

– А почему ты решила рассказать это мне? Ведь в целом ты не сделала ничего плохого и убрала за собой.

– Инка видела меня и пообещала, что расскажет всем! Я решила, что должна тебя предупредить – на случай, если к тебе придут соседи. Папа всегда говорит: предупрежден, значит вооружен!

Анна Владимировна, не выдержав, расхохоталась.

– Молодец, ты все правильно сделала!

Алена громко выдохнула и улыбнулась.

– Тогда я пойду гулять! У нас сегодня вечером намечается игра с мальчишками! Я буду на соседней улице.

– Хорошо, только далеко не отходи.

– Договорились, – девочка вприпрыжку помчалась по коридору и через секунду исчезла в переулке.

– Так нечестно! – возмутилась Валя.

– У вас на одного человека больше! – кричала Алена, которая только что рассказала всем, как играть в лапту.

– Вы вообще слушали правила? – сложив руки на груди, спросила Таня.

– Вы и так проиграете нам, с лишним человеком или без! Это дело времени! – Ленька тоже стоял со сложенными на груди руками.

– А вот и нет! – Алена подошла к нему так близко, что почувствовала, как он дышит. Ее глаза светились злостью и азартом, создавая целый коктейль эмоций.

Так получилось, что все мальчишки жили на соседних улицах. Чтобы встретиться, им приходилось выбирать нейтральную территорию, заранее договариваясь о встрече. Алена была заводилой у девчонок, ежедневно организуя их досуг, а Ленька возглавлял компанию ребят. Когда два лидера встречались, то пытались доказать друг другу свою правоту. Каждая их встреча заканчивалась либо ссорой, либо дракой.

Леньке исполнилось двенадцать. Мальчишка был высокого роста и худощавого телосложения; густые светло-русые волосы слегка вились на макушке, создавая иллюзию парика, который, казалось, когда-нибудь упадет на землю. Он как старший в компании ребят считал, что имеет полное право командовать ими, раздавая указания направо и налево. Удивительно, но все безоговорочно слушали его и ловили каждое слово своего лидера.

– Девчонки, нам не хватает одного человека! – крикнула Алена. – Я предлагаю уступить мальчикам, пусть играют не по правилам, мы все равно выиграем.

Девочки подхватили ее боевой настрой и начали радостно прыгать на месте, то и дело повизгивая от предвкушения победы. Ленька ухмыльнулся, услышав слова Алены, и повернулся к ребятам, которые все это время находились за его спиной. Несколько минут они стояли в кругу, обнявшись за плечи и перешептываясь. Их голоса постепенно нарастали, превращаясь в сплошной гул. Мальчишки долгое время не размыкали объятий, подпрыгивали на месте и продолжали гудеть. Затем они все-таки разошлись, сложили свои руки одну поверх другой и с громким визгом вскинули их вверх.

– Клоуны, – фыркнула Алена и, повернувшись к девчонкам, сказала, чтобы они занимали свои позиции. Через несколько минут, уладив все споры, дети начали игру. Саша подбросила мяч в воздух. Алена стояла первая в шеренге с самодельной битой в руках, представляющей собой деревянную доску длиной в пятьдесят сантиметров, и ждала, когда мяч приблизится к ней. Ловким движением руки она ударила «битой» по мячу, и тот полетел в сторону мальчишек, которые были распродоточены по условному полю. Алена стремглав понеслась сквозь мальчишек, уклоняясь от мяча, которым они стремились попасть в нее. Ленька расталкивал на бегу друзей, вырвав мяч и пытаясь догнать Алену, чтобы «выбить» им соперницу из игры. Она ловко увернулась и пересекла заветную черту. Оказавшись в безопасности, девочка начала танцевать на месте, строя рожицы Леньке, который, согнувшись пополам, тяжело дышал от бега.

– Косой! Косой! – дразнила его Алена. – Таких не берут в космонавты! – подначивала она.

– Ничего, посмотрим, как ты добежишь назад! – Ленька был зол и унижен перед своими друзьями, которые осторожно хихикали вслед словам Алены.

Следующая была Марина. Удар был слабым, и мяч приземлился всего в нескольких метрах от нее, значительно уменьшив шансы добежать до подруги. Она рванула с места, не обращая внимания на ребят, которые стояли на пути, но не имели права задерживать. Ленька снова выхватил мяч и со всех ног побежал за Мариной. Отведя руку в сторону, он прицелился в Марину и вложил всю силу в удар. До заветной черты оставалось всего несколько шагов, но мяч успел догнать бегунью, ударив прямо в затылок. От неожиданной боли Марина присела и схватилась за голову. Девочки подбежали к подруге, окружив ее со всех сторон, и помогли ей встать. Алена в три прыжка оказалась рядом с Ленькой, на ходу замахиваясь на него рукой. Он увернулся и схватил ее за запястье, с силой сжав его в своей детской, но цепкой ладони. Вывернув ей руку, он толкнул Алену на землю, и девочка больно ударилась. На локте сразу проступила кровь.

– Будешь знать, как кривляться и драться! – крикнул он, отходя в сторону.

– Ты труп! – прорычала Алена.

Ленька демонстративно рассмеялся ей в ответ.

– Ой, напугала! Боюсь-боюсь! – он сделал вид, что трясется от страха.

Алена поднялась с земли, отряхивая испачканные джинсовые шорты и вытирая кровь с локтя.

– Мы больше не будем с вами играть, – сказала она, – и проход на нашу улицу с этой минуты для вас закрыт.

– Это не тебе решать! Я буду ходить там, где захочу, – усмехнулся Ленька и сделал несколько шагов в сторону «чужого» переулка. – Вот, я уже на вашей улице, – он медленно поставил сначала одну ногу, наблюдая за реакцией, а затем вторую. – Ой, ничего не происходит! – Забияка начал танцевать на месте, дразня Алену и ее подруг. От движений детских ног песок поднимался вверх, постепенно превращаясь в песчаную бурю. Ленька так увлекся победным танцем, что не заметил, как к нему подскочила Алена и рукой провела по его лицу.

– Что ты делаешь, дура! – он вскрикнул от неожиданности. Ленька провел рукой по щеке, и его пальцы окрасились в кровавый цвет. – Ты меня поцарапала?

– Нет, тупица! Это моя кровь! Это будет тебе напоминанием о том, что девочек трогать нельзя!

Он растеряно смотрел по сторонам, судорожно пытаясь вытереть кровь с лица, но только еще больше размазывал ее, пачкая щеки и руки.

– И еще, – Алена развернулась к обидчику, – если хочешь разобраться со мной – разбирайся, но Марину не трогай! – она кричала на всю улицу. – Ты понял меня? Иначе в следующий раз там будет твоя кровь! – она так разозлилась, что была готова в любую секунду расплакаться от переполнявших чувств. Алена крепко сжала кулачки, вонзив ногти в кожу и не давая эмоциям вырваться наружу.

Следующие два часа подруги играли в «Испорченный телефон», сидя на ковре из зеленого клевера и одуванчиков, который застилал возвышенность рядом с дорогой, и краем глаза наблюдали, как мальчишки на своей улице играют в футбол.

– Марина, где тебя носит? – на углу улицы появилась бабушка Яня, держа под мышкой Тяпу.

Девочка подскочила и побежала к ней.

– Вот деньги, сходи в магазин, – бабушка Яня протянула несколько купюр, скрученных в трубочку. – Купи молоко, хлеб и батон.

Марина молча взяла деньги и, кивнув подругам, скрылась на соседней улице, где играли ребята. Алена грустно посмотрела ей вслед и метнула молнию в сторону уходящей бабушки Яни. Сначала девочка подумала догнать Марину и сходить с ней, но не захотела встречаться с Ленькой и его компанией. Даша как раз пародировала его, взбив волосы на голове и строя рожицы, как любил это делать он сам. Все девочки дружно смеялись, валяясь на траве. Алена не выдержала и подскочила к Даше, помогая ей дополнить образ своего врага. Она складывала руки на груди, задирала подбородок вверх и с важным видом ходила туда-сюда, раздавая девочкам указания. А те катались со смеху по земле. Когда Алена выдохлась, то повернула голову в сторону, где был слышен стук мяча, и увидела, как Ленька, сложив руки на груди и вздернув подбородок, молча смотрит на нее. Он все понял, угадав, кого она показывала, и, сама того не понимая, победив в их игре. Еще немного постояв, он развернулся и скрылся за забором. Алена махнула рукой и плюхнулась на землю.

Валя и Таня принялись что-то чертить на земле, Саша с Дашей играли в мяч, а Алена лежала на животе и наблюдала за девочками. Она не рассказала им о своем походе к Жене и о том, что узнала от бабушки. Она чувствовала, что должна молчать, что, возможно, подруги не поймут ее и будут смеяться над Женей.

С ухода Марины прошло минут двадцать. Магазин, единственный на всю округу, располагался в конце улицы, и медленным шагом до него было минут десять ходьбы. До следующего нужно было идти заметно дальше, петляя по многочисленным улицам. Прошло еще десять минут, Алена встала с земли и сказала девочкам, что пойдет навстречу подруге. У нее было плохое предчувствие, как будто среди ясного неба должен был разразиться гром. Алена ускорила и перешла на бег. Не успела она повернуть за угол дома, как услышала крик. Это был голос Марины. Испуганный, полный ужаса и страданий. Алена бежала с такой скоростью, что почувствовала боль в ногах. Девочки, бросив игру, помчались за ней. На траве за высоким забором лежала Марина. Ее руки держали Архип, младший брат Леньки, и их друг Дима, который жил через дом. Рядом на земле валялся разорванный пакет с продуктами. Хлеб и батон лежали на песке, а стеклянная бутылка с молоком медленно катилась по улице. Марина извивалась и кричала. Слезы лились из ее глаз, а тело дрожало от страха. Ленька, задрав девочке платье, пытался снять с нее трусы, но она так сильно отбивалась ногами, что у него ничего не получалось. Он ухватился за резинку и со всей силы дернул ее, разорвав белые трусики.

Схватив трофей, Ленька ловко вскарабкался на фонарный столб, повесил на него добычу и приказал товарищам отпустить свою жертву. Алена, застыв в ужасе, смотрела на лежащую подругу, она так сильно испугалась, что не могла сдвинуться с места. Ее тонкие, как спички, ноги налились свинцом, а по щекам потекли слезы. Уже тогда девочка понимала, что никогда не сможет забыть это мгновение и не простит себе то, что так и осталась стоять в стороне, глядя, как издеваются над ее подругой. Валя среагировала первой. Она подбежала к Марине и, оттолкнув Архипа и Диму, помогла ей подняться и собрать разбросанные продукты. Затем она снова подбежала к мальчишкам и принялась колотить их руками и ногами что было силы. Они едва успевали укрываться от ударов.

Валя, десятилетняя подруга Алены, была крепкого телосложения и невысокого роста. Ее светло-русые волосы на затылке держал тугой хвостик, а лицо было местами перепачкано песком и землей. Во время драки ее шлепки слетели, и бойкая девочка босыми ногами продолжала лупить мальчишек по щуплым телам. Ее старшая сестра Таня подбежала и оттащила Валу от ребят, которые лежали на земле, свернувшись калачиками. Алена продолжала стоять на углу улицы и наблюдать за происходящим. Свинец в ее ногах понемногу начинал плавиться от высокой температуры тела, давая возможность пошевелиться. По лицу девочки без остановки текли слезы, прячась под воротником майки. В тот момент ей казалось, что детство закончилось, сменившись суровой взрослой жизнью.

Валя и Таня, взяв Марину под руки, повели ее в сторону дома. Рыдания стихли, но Марина продолжала периодически всхлипывать, не успев еще освободиться от испуга. Алена, наконец, сдвинулась с места и посеменила за подругами. Затем она развернулась и, подбежав к столбу, вскарабкалась и сняла с него трусики. Не говоря ни слова Леньке, который молча наблюдал за происходящим, Алена побежала за девочками.

– Бабушка Яня! Бабушка Яня! – Валя, опередив девочек, бежала по улице. Женщины сидели на скамейке, и Анна Владимировна тоже была там. Услышав встревоженный голос Вали, она интуитивно подскочила на месте.

– Бабушки! – Валя остановилась, переводя дыхание. – Ленька с друзьями напали на Марину и сняли трусы. А потом повесили их на фонарный столб.

Анна Владимировна сглотнула подступивший к горлу ком. Когда она взглянула на Марину, то ее сердце, казалось, разорвалось, как мина на поле боя, разбросав останки по всему телу. Женщины усадили Марину на скамейку и принесли ей воды.

– Куда ты уже вляпалась? – со злостью спросила бабушка Яня. Она взяла из рук Тани хлеб с батоном, которые были черные от земли и песка. – А где молоко?

– Бутылка выкатилась на улицу, и кто-то из мальчишек специально наступил на нее и раздавил.

Бабушка Яня пыталась отряхнуть с хлеба песок, но все было тщетно.

– Теперь только курам его скормить!

– Яня, опомнись! – резко сказала Анна Владимировна, закипая от злости. – О чем ты говоришь? Иди к его родителям и разберись! Это нельзя оставлять просто так! Совсем уже ополоумели от безделья!

Алена сидела на корточках и рисовала палочкой по земле, аккуратно выводя линии. Анна Владимировна подошла к внучке и присела с ней рядом.

– Ты чего сидишь одна?

Алена молчала, выводя на песчаном полотне цветок.

– Ты испугалась? – аккуратно спросила бабушка.

– Бабушка, я очень плохо поступила, – девочка подняла глаза, в которых плескался целый океан. – Я стояла и смотрела. И все. Я ничего не сделала. Понимаешь? – по детским щекам покатались слезы.

– Ты просто испугалась.

– Я не знаю. Это было ужасно. Я стояла и не могла сдвинуться с места, пока они это делали. Я думала, что я смелая, а я обычная трусиха! – Алена закрыла лицо грязными ладошками. – Марина, наверное, больше не захочет со мной дружить. Она не простит меня!

– Это нормально, что ты испугалась. Ты не ожидала, что такое может произойти. Мальчики поступили очень плохо и будут наказаны. А с Мариной ты поговори и объясни ей все, как мне. Я уверена, что она поймет. Она умная девочка.

Алена немного успокоилась и перестала всхлипывать.

– Ты мой индеец! – Анна Владимировна посмотрела на внучку и рассмеялась. Ее лицо было в коричнево-черных разводах. – Иди умойся!

– Нет, я пойду с ними! Я должна! – тыльной стороной майки Алена вытерла лицо, еще больше размазав грязь. – Я должна хоть как-то помочь Марине.

Анна Владимировна внимательно посмотрела на свою маленькую, но такую смышленную внучку, в груди которой билось огромное доброе сердце.

– Мы пойдем вместе. Но сначала поговори с Мариной.

Алена кивнула и направилась в сторону подруги, которая уже успокоилась и, казалось, даже немного забыла о случившемся, взяла ее за руку и отвела в сторону. Марина не возражала. Минут десять они стояли, взявшись за руки и прислонившись к забору. Алена говорила без остановки. Марина молча кивала в знак согласия. Потом они крепко обнялись и, держась за руки, вернулись назад.

Через пять минут перед крыльцом Ленкиного дома стояла вся компания во главе с Анной Владимировной. Позади нее стояла бабушка Яня, Валя, Таня, а замыкали шеренгу Алена и Марина.

Дверь резко открылась, и на пороге появился Ленкин отец, Борис Васильевич. Он был похож на казака-пенсионера. Тучный, с большим животом, который занимал чуть не весь дверной проем, он грозно смотрел на непрошенных гостей из-под густых бровей. Длинные усы, казалось, занимали половину его лица. Кончики их были слегка подкручены, но в целом это выглядело неряшливо. Казалось, если покопаться в них, можно насобирать кучу мусора. Грубым голосом мужчина спросил, что случилось. Анна Владимировна предложила войти в дом, чтобы не посвящать любопытных соседей, которые уже висели на заборах, наблюдая за толпой, и поговорить внутри. Она коротко и ясно рассказала, что произошло. Дети молча кивали головами. И лишь Валя то и дело вставляла свои пять копеек. Борис Васильевич выслушал все молча, ни разу не перебив, но постепенно его взгляд становился все суровее. В конце разговора, так же молча, не говоря ни слова, он вышел во двор и через пять минут вернулся назад, держа за уши Ленку и Архипа. Их шлепанцы практически не касались земли, а уши были такие красные, будто облитые краской.

– Это правда? – он спросил это таким тоном, что все дети интуитивно вжали головы в плечи.

Братья молчали, постанывая от боли.

– Я спрашиваю в последний раз! Это правда? – от тяжелого дыхания его усы раздувались, как паруса.

– Да, – еле слышно сказал Ленка. Его голос был похож на мышинный писк.

Борис Васильевич больше ничего не говорил. Он снял с гвоздя, вбитого в стенку, кожаный солдатский ремень с золотой пряжкой и, стянув с Ленки штаны, начал при всех наносить один удар за другим. Он, не жалея сил и не щадя сына, продолжал бить его, пока кожа мальчишки не приобрела такой же цвет, как и ухо. Анна Владимировна подбежала к мужчине и одернула его руку.

– Хватит! – металлическим голосом сказала она. Ленка уже выл от боли. – Хватит! – повторила женщина. – Это не лучший метод!

– Вы хотели, чтобы я их наказал, вот и не вмешивайтесь! – он отшвырнул Леньку, и тот с грохотом упал на пол. Затем схватил Архипа, который в ужасе смотрел на брата и понимал, что его ждет такая же участь. Его лицо было мертвенно-бледным, а руки дрожали от страха. Борис Васильевич сдернул с сына штаны и принялся бить его с прежней силой. Анна Владимировна попыталась убрать его руки, но он грубо оттолкнул ее. Девочки затаили дыхание. В голове Алены вихрем проносились мысли. С одной стороны, наказание было заслуженным, с другой, ей было жалко мальчишек. Она никогда не видела, чтобы кто-то так бил детей. Папа никогда не поднимал на нее руку, хотя порой и было за что. От ужаса она широко распахнула глаза и открыла рот. В одно мгновение девочке захотелось подбежать и оттащить Архипа, но ее ноги снова налились свинцом.

Борис Васильевич остановился и вытер проступивший на лбу пот. Его майка была мокрой, а лицо красным и влажным. Мужчина отбросил Архипа в сторону.

– Живо сняли трусы! Оба! – прорычал он. Мальчишки стояли не двигаясь. – Вы хотите, чтобы это сделал я?

Они молча повиновались, сняв трусы и отдав их отцу. Тот взял белье и протянул Анне Владимировне.

– Зачем? – спросила она.

– Повесьте их на столб. Они должны до конца прочувствовать, что такое унижение.

– Не стоит... Вы их достаточно наказали.

– Мне лучше знать! Повесьте, или это сделаю я. Пусть они поймут, что совершили ужасный поступок и побудут в чужой шкуре, – он все еще держал трусы в руке.

Анна Владимировна молча развернулась и вышла из дома. Дети посеменили за ней. На следующий день по дороге в магазин Алена подняла глаза на фонарный столб и увидела те самые трусы Леньки и Архипа. Они висели так высоко, что никто не смог их достать. Это был флаг победы. Победы справедливости над жестокостью и глупостью. Они еще долго висели там, пока однажды сильный ветер не сорвал их и не забросил на крышу Ленькиного дома.

Глава 4

Алена выкатила велосипед из сарая и, запрыгнув на сидение, покатила по двору. Она старалась ехать по дорожкам, но иногда не удерживала равновесие и заезжала на бабушкины клумбы с цветами. Наконец, миновав калитку, она выехала в переулок. Девочки уже ждали ее на скамейке, прислонив свои велосипеды к забору. Через минуту зеленые, желтые и оранжевые «Аисты» полетели по улице. После того случая с Ленкой прошло уже две недели, и разговоры вокруг этой темы поутихли, впрочем, как и сам Ленка со своей компанией. Девочки видели его пару раз, да и то во дворе. «Скорее всего, их наказали и они сидят дома», – размышляла Алена, проезжая мимо их окон. Марина не поехала кататься – у нее не было велосипеда, да и бабушка редко отпускала внучку гулять до полудня, заставляя трудиться в огороде. Проезжая мимо Жениного дома, Алена приподнялась с сидения и заглянула за забор. Дверь дома была закрыта, и во дворе никого не было. С прошлого раза она больше не видела девочку, но идея познакомиться и помочь ей до сих пор жила в сердце.

Велосипеды неспешно катились по улице, позвякивая бутылками, которые были сложены в сумку и привязаны к багажнику. Это была не просто велопрогулка: девочки заранее договорились, что с утра поедут сдавать тару. У Алены был самый большой пакет. Бабушка вечно ругала ее за то, что она покупает молоко в бутылках, так как оно стоило ровно наполовину дороже, чем молоко в пакете. Но Алена все равно брала с полки бутылку, зная, что потом ее можно будет сдать и купить новые наклейки для журнала, конфеты или бутылку вкусного «Дюшеса», которую потом тоже можно будет сдать. Пункт приема стеклотары находился прямо за магазином и представлял собой ветхое деревянное сооружение наподобие старого сарая.

– Еще закрыто! – крикнула Алена подругам, которые снимали свои увесистые сумки с багажника. – Но, к сожалению, мы не первые!

Перед пунктом уже сидело человек пять. Местные алкоголики прятались в тени деревьев от утреннего жаркого солнца. Они лежали на спине и попивали холодное пиво, опустошая новую тару для сдачи. Девочки положили велосипеды на траву и сели недалеко от них. Саша заговорила первая.

– Слушайте, а вы видели эту девочку Женю? – она жевала травинку, пытаясь пропустить ее сквозь небольшую щель в зубах.

Алена молчала. Она решила сначала послушать, что скажут остальные, перед тем, как рассказать свою историю.

– Я только знаю, что она инвалид и ездит в специальном кресле на колесах. Мне мама рассказывала, – равнодушно сказала Таня. – Говорят, что она очень страшная. У нее изуродовано лицо, и она не может говорить!

– Да ладно! – воскликнула Саша. – И на кого она похожа?

– На страшную жабу, – усмехнулась Инна.

Алена нахмурила брови, переваривая информацию.

– А чего ты молчишь, Алена? – язвительно спросила Инна. – Ты же видела ее!

Алена растерялась, не ожидая, что Инна будет вспоминать тот случай. Все взгляды устремились на нее.

– А почему ты нам не рассказывала? – спросила Валя.

– Не успела еще, – замялась Алена. – Вылетело из головы.

– Ну так расскажи, какая она! Она действительно уродка? – спросила Инна. – Алена через забор подсматривала за ней, а потом разбросала все бревна соседей, – торжествующе выпалила она.

Алена захотела встать и хорошенько отлупить Инну за ее противный язык. Ей не нравилось, что Инна общалась с девочками, но она была лучшей подругой Саши, а та все время таскала ее за собой.

Инна была очень худой девочкой невысокого роста с мелкими чертами лица, которые придавали ей сходство с изможденной голодом мышью. Короткие волосы казались очень редкими, но пострижены были модно – прическа называлась «каре на ножке» и была очень популярной среди подростков. В компании Инна считала себя самой красивой и умной. Она не стесняясь стремилась доказать это всем, демонстрируя свое превосходство над другими. Ее злой язык был таким острым, что, когда слова вылетали изо рта, казалось, они разрезают воздух на мелкие кусочки.

– Никакая она не жаба! – с обидой в голосе сказала Алена. – Я, конечно, не видела ее лица близко, но уверена, что с ним все в порядке. Бабушка сказала, что Женя не может ходить и плохо говорит, но она обязательно поправится. Просто нужно много времени.

– Вранье! – фыркнула Инна. – Моя мама разговаривала с ее мамой, и та сказала, что Женя не поправится никогда! – она произнесла это таким тоном, как будто была рада тому, что девочка так и не сможет ходить.

– А мне бабушка сказала наоборот! – Алена встала с земли. – Моя бабушка никогда не врет! А ты дура, Инка! Дура! Дура! Дура! – она топала ногами по земле, поднимая песок, который кружился в спонтанном танце. Из глаз хлынули слезы. Она смотрела на равнодушные лица подруг и не понимала, почему они молчат.

– Как ты можешь так говорить, Инна?! Неужели тебе ее не жалко?

– Ни капельки. Раз она такой уродилась, значит, заслужила это! Мама говорит, что в жизни каждому достается по заслугам!

– Если ты сейчас не замолчишь, то я побью тебя! Клянусь, я побью тебя!

– Ой, напугала! – громко рассмеялась она.

Алена бросилась на обидчицу, сжимая руки в кулаки. Она схватила ее за волосы и начала трясти из стороны в сторону. Инна пыталась вырваться, но соперница была сильнее. Через минуту девочкам все же удалось разнять их, оттащив Алену в сторону. В ее руках остался клочок Инкиных волос.

– Ты что наделала? – Инна в ужасе смотрела на ее руку.

Алена бросила волосы ей в лицо. Резкий ветер подхватил их и порывом поднял высоко вверх.

– Я все расскажу маме! Тебе крышка, поняла? – Инна трогала волосы, пытаясь найти проплешину.

– Это я всем расскажу, что ты говорила про Женю! Никто не будет с тобой дружить! – она кричала вслед уезжающему велосипеду. Инна огрызалась, выкрикивая ругательства на ходу, но звон пустых бутылок заглушал ее слова, превращая их в пыль.

– А вы чего молчали? Саша, Валя, Таня, Даша! Вы что, не понимаете, что так нельзя говорить про человека? Ей, наверное, очень больно! Представьте, если бы вы не смогли бегать и играть? И сидели бы каждый день в кресле, не имея возможности встать? Вам было бы приятно, чтобы про вас так говорили? – широко открытыми глазами Алена смотрела на подруг в надежде найти поддержку. Но в их глазах она увидела пустоту.

– Ты чего так завелась из-за этой девчонки? Она тебе подруга, что ли? – спросила Саша. – Зачем ты побила Инну? Подумаешь, ляпнула языком! Ты разве ее не знаешь.

Алена в надежде обвела глазами остальных девочек. Они молча смотрели на нее. Лишь Валя встала и подошла к Алене.

– Девочки, правда, так нельзя. Тем более она наша соседка! Давайте больше не будем обзывать, – она погладила Алену по плечу и села на место.

Получив сегодня деньги за сдачу тары, Алена не испытала никакой радости. Наоборот, ей не хотелось ни конфет, ни наклеек. Она сложила пустую тряпичную сумку под крышку багажника и, запрыгнув на велосипед, поехала домой. Она не стала дожидаться девочек, которые, как ни в чем ни бывало, пошли в магазин за сладостями. Каждая кочка и ямка, в которую попадало колесо, болью отзывались во всем ее теле. Она была так зла на подруг, что больше не хотела их видеть. Проезжая мимо Ленкиного дома, она увидела, что он вместе с братом пропалывает картошку. Заметив ее велосипед, он схватил маленькую картошину и запустил ей в Алену. Овощ пролетел в нескольких метрах от девочки и ударился о голову соседа Валеры, который мыл машину на улице. Тот со злостью осмотрелся по сторонам, поднимая с земли картофелину.

– Это ты сделала? – крикнул он.

Алена остановилась.

– Нет, дядя Валера, – она посмотрела в сторону Ленки, который, присев, спрятался за забором. – Я не знаю, кто это сделал. Я не видела, – она запрыгнула на велосипед и свернула за угол. Ленка поднялся с корточек и удивленно посмотрел ей вслед.

Глава 5

Третий день Алена была как на иголках. Она практически не выходила на улицу и все время смотрела в окно, боялась, что придет Инина мама и все расскажет бабушке. Сама она никому не поведала о событиях того утра. Она не хотела расстраивать бабушку, а Алесю вообще могла позвонить родителям и наябедничать.

Алесе было пятнадцать лет. Она, как и большинство подростков ее возраста, была уверена, что знает о жизни все и даже больше. С сестрой она практически не разговаривала, считая ее малой, которая приносит одни лишь неприятности. У них была своя компания, состоящая из двух подруг-ровесниц, шестнадцатилетнего парня и троюродного брата Алеси, который тоже приехал на каникулы к бабушке. Они гуляли отдельно, не подпуская никого к своей сложившейся компании. Алена терпеть не могла снисходительный взгляд сестры, которым она одаривала ее всякий раз, когда смотрела на нее. Этот взгляд словно говорил: «Ну, что тебе надо, малявка?» Алену это очень злило, поэтому она свела общение с сестрой к минимуму.

– Ты чего не идешь на улицу? – спросила Алесю, стоя в дверях и наблюдая, как Алена раскладывает на полу мозаику.

– Не твое дело, – не поворачиваясь, ответила она.

Алесю, недовольно фыркнув, вышла из дома. Последние два дня были очень тяжелыми. Анна Владимировна плохо себя чувствовала. Дядя Сергей снова запил. Он приходил домой по несколько раз в день и требовал деньги на выпивку. Сначала она стойко держалась, пытаясь отговорить его и давая словесный отпор. Но в итоге сдавалась и приносила деньги, зная, что он не оставит ее в покое.

Этой ночью шел сильный дождь. Алена вертелась в кровати и никак не могла уснуть. Она посмотрела на соседнюю кровать – Алесю крепко спала. Вдруг послышались голоса, которые заставили ее встать с кровати и подойти к двери. Сквозь щель между полом и дверью в комнату проникали лучики электрического солнца. Алена знала, что свет горит в бабушкиной комнате. Тихонько, встав на цыпочки, она направилась к ней. Дверь была приоткрыта, и можно было видеть, что происходит внутри, оставаясь незамеченной.

– Гони филки! – сказал Сергей. Он сидел рядом с ее кроватью на полу и курил. Анна Владимировна в длинной белой сорочке сидела на кровати, тяжело опустив голову. – Бабки давай, – снова заговорил он. Голос его был глухим, язык заплетался, а слова были нечеткими. Он стряхивал пепел на ковровую дорожку. – Ты ничего не понимаешь. Никто меня не понимает. А у меня душа болит! Я, может, сдохну завтра. И ты будешь виновата в этом!

– Сынок, иди приляг. Ты пьешь уже третий день. На тебя смотреть больно.

– А я не красна девица, чтобы всем нравиться, – он ядовито усмехнулся и крепко затянулся сигаретой. Его лицо было покрыто морщинами, больше напоминающими шрамы. Одежда грязная, и в комнате пахло дешевым алкоголем и невымытым телом. – Катя вон, какая звезда, – резко начал он. – Муж, дети, квартира, машина. А у меня что? Только водка! Как ты, мать, там говоришь? Я твой позор? – он ухмыльнулся и снова закурил. – Не переживайте, я скоро сдохну, и вы все вздохнете с облегчением.

– Сынок, не говори так. Может, еще все образуется, – она положила руку на его голову. Он с силой одернул ее.

– Ничего не образуется! Все, конец! – он встал с пола и быстрыми шагами начал мерять комнату. – Как же я вас всех ненавижу! С вашей заботой и жалостью! Козлы, – добавил он и, зацепившись за ножку столика, с грохотом рухнул на ковер.

– Тише ты! Детей разбудишь!

– Это мой дом, что хочу, то и делаю.

– Это мой дом, а ты иди к себе и ложись спать! – Анна Владимировна поднялась с кровати и помогла ему встать. Она начала выталкивать сына к дверям, но он вцепился руками в ее сорочку и начал трясти мать, что есть сил.

– Гони филки, я сказал! Иначе придушу здесь.

Алена, услышав эти слова, ворвалась в комнату и набросилась на дядьку с кулаками.

– Не трогай бабушку! – она плакала и продолжала колотить его маленькими кулачками по спине.

– Алена, уйди отсюда, – крикнула Анна Владимировна.

– Нет, бабушка! Я все слышала! Он хочет убить тебя! – сонная и испуганная, в бело-снежной ночнушке, на которой был нарисован улыбающийся заяц с морковкой в руках, она продолжала колотить дядю. – Я не дам тебя в обиду.

Сергей развернулся и со всей силы отбросил Алену в сторону. Она упала на пол, ударившись головой о деревянную тумбочку, стоящую в углу комнаты. Анна Владимировна бросилась к ней.

– Алена, ты в порядке? – сквозь слезы спросила она. – Девочка моя, зачем ты пришла? – она подняла внучку и, включив свет, осмотрела ее голову. Крови не было. – У тебя ничего не болит?

– Нет, все хорошо, – тихо сказала девочка, потирая ушибленное место.

Анна Владимировна схватила сына за воротник грязной рубашки и начала трясти его, а затем бить по лицу. Удары ее ладоней, как тяжелые плети, соприкасаясь с его кожей, издавали ужасный звук. Это был голос боли. Она не остановилась, пока его лицо не стало похоже на треснувший помидор. Сначала Сергей опешил от неожиданного нападения и молча поддался. Тем более он не спал почти трое суток: все время выпивал, забыв даже о еде. Но мужское нутро, хранящее в себе силу, которая просыпается, когда душа закипает от ненависти и злости, наполняла жизнью тело и кулаки. Он отбросил руки матери и, схватив ее за сорочку, рванул со всей силы. Кружевная ночнушка превратилась в лохмотья. Это был подарок мужа, который она так бережно хранила все эти годы. Когда она надевала ее и ложилась в кровать, то чувствовала, как невидимые руки супруга ласково обнимают ее за плечи, обволакивая тело теплом. Анна Владимировна растеряно стояла и смотрела на свое обнаженное тело. Куски ткани свисали с груди, и волокна постепенно начали впитывать новые воспоминания, навсегда стирая из своей памяти запах любимого мужчины.

Она сняла с крючка халат и быстро набросила его на себя. Казалось, на этом ночная война окончена, но Сергей был настроен получить деньги любой ценой. Он снова вцепился в мать, тряся ее и бросая из стороны в сторону. Алена сидела на диване и сквозь рыдания просила отпустить бабушку. Он не слышал ее. Его мозг словно поглотил дьявол, диктовавший свои правила и требования. Его глаза налились кровью, дыхание было тяжелым, он рычал, как дикий зверь, который вот-вот нападет на свою жертву и разорвет ее на куски. И он напал. Худыми руками с синими венами и глубокими шрамами он вцепился в шею матери и начал душить ее.

– Давай деньги или сдохнешь, сука, – прошипел он сквозь слюну, вытекающую изо рта. – Гони бабки, тварь!

Алена вскочила с дивана и запрыгнула к нему на спину. Сквозь поток рыданий она просила остановиться. Руками девочка вцепилась ему в волосы и со всей силой начала вырывать их. Сергей завизжал от боли и отпустил мать. Анна Владимировна, задыхаясь и жадно хватая воздух ртом, упала на кровать. Сергей сделал шаг навстречу Алене, которая спрыгнула со спины. Она выбежала из комнаты и плотно закрыла за собой старую деревянную дверь. Босиком, в одной сорочке Алена сначала выбежала во двор, но уже через секунду скрылась за калиткой. Взвизгивая от боли каждый раз, когда камни пронзали ее ступни, она продолжала бежать. Обогнув свою улицу, оказалась на соседней и, добежав до Маринино дома, перепрыгнула через забор. Увидев открытый парник, заскочила внутрь и плотно закрыла за

собой его хлипкую дверь. Следующие полчаса Алена сидела на земле за высокими кустами помидоров, забившись в угол теплицы, и рыдала. Обессилев, она легла на твердую подушку, сбитую из холодной земли и, накрывшись тонким одеялом из теплого парникового воздуха, наконец, уснула.

Ей снился сон, как Сергей бежит за ней по улице. Ее ноги с каждым движением становятся все тяжелее и тяжелее, в итоге она падает в огромную лужу рядом с Жениным домом и дядя настигает ее. Инна висит на калитке и, тыча в Алену пальцем, громко хохочет. Ее смех взрывает спокойный ночной воздух, и сонные звезды градом падают на землю. Сергей хватается за руки и тащит по земле. Ее новые шлепанцы рвутся, превращаясь в лохмотья. Вдруг из-за поворота появляется Ленька с друзьями и, бросая в нее камни, тоже заливисто смеется. Алена глазами ищет поддержки среди знакомых и друзей, но никто не приходит к ней на помощь. Лишь злой смех и страшные гримасы заполняют ночную пустоту. Алена поворачивает голову и видит Женю, выезжающую со двора в инвалидном кресле. Ее лицо прекрасно. Кожа светится изнутри, а в глазах плескается океан любви и доброты. Медленно девочка подъезжает к Алене и, взяв ее за руки, помогает ей встать. Смех продолжает звучать, но уже не так громко, постепенно превращаясь в иллюзию. Тени людей растворяются во мраке. А Сергей разворачивается и уходит за калитку их дома. Девочки остаются вдвоем. Алена стоит на коленях и держит Женю за руки. Она чувствует их тепло. Женя улыбается. «Какое у нее красивое лицо, – думает Алена, – она самая красивая девочка, которую я только видела. Как же Инна была неправа». Алена не замечает инвалидного кресла и ей кажется, что они с Женей танцуют вместе, пара над землей. «Как же жалко, что мы не умеем летать, – мысли проносятся в ее голове, будоража воображение. – Если бы мы только умели летать, то Жене не нужно было бы инвалидное кресло». И они продолжают парить над землей, поднимаясь все выше и выше. Когда их головы касаются звезд, Женя молча отламывает кусочек звезды и протягивает его Алене. Рот девочки бездвижен, но ей кажется, что они болтают без умолку уже много часов. Губы Жени прекрасны, на них играет серебристая улыбка, которая переваливается всеми огнями драгоценных камней. Она жестами показывает Алене, что нужно спускаться назад – скоро рассвет, и она больше не сможет летать. Алена понимает ее с одного взгляда, как будто слова в вихре танца кружатся над ее головой. Они возвращаются на землю, и Женя снова оказывается в инвалидной коляске. «Не переживай, завтра я снова буду летать, как только наступит ночь», – глазами говорит она. Алена, улыбаясь, провожает ее до калитки. Всю дорогу они разговаривают, не произнося ни слова. Женя исчезает из виду, а Алена еще долго смотрит ей вслед, расплываясь в широкой улыбке.

Холодная земля прилипла к щеке. Тело болело, словно его всю ночь били палками. Пальцами Алена нащупала шишку на затылке и, взвизгнув от боли, убрала руку. Девочка встала на ноги и стала пробираться сквозь кусты помидоров, стараясь не наступить на них. Открыв дверь парника, она огляделась по сторонам – никого не было, солнце только-только просыпалось. Алена тихонько вышла на улицу и направилась к забору, решив срезать путь через двор бабушки Лиды. Пробравшись через «тайный» ход, девочка перебежала огород, затем пересекла спящую улицу и оказалась у себя во дворе. Она в волнении остановилась возле окна бабушкиной комнаты и, встав на цыпочки, заглянула внутрь. Постель была расстелена, но бабушки в комнате не было. Девочка поочередно стала заглядывать во все окна, но никого не находила. Алесина кровать тоже была пуста. Алену начала охватывать паника. На дрожащих ногах она побежала в дом. Анна Владимировна сидела за столом, положив голову на руки, Алеся сидела рядом, закрыв глаза ладонями.

– Бабушка, ты жива! Какая радость! С тобой все в порядке? – Алена со всех ног бросилась к ним.

– Господи, как же ты меня напугала! Еще полчаса, и я собиралась звонить в милицию! – Анна Владимировна сжала внучку в объятиях.

Алеся подошла к сестре и обняла ее, из глаз хлынули слезы.

– Почему ты плачешь?

– Я думала, что с тобой случилась беда! – сказала Алеся, тыльной стороной руки вытирая слезы.

– Ты же меня не любишь, – удивленно сказала Алена. – Ты всегда говорила, что будешь рада, если я потеряюсь.

– Дурочка ты маленькая! – Алеся еще сильнее прижала сестру к себе.

Алеся относилась к Алене с высокомерием, считая, что от нее одни лишь проблемы. Они практически не общались, в основном лишь ругаясь и иногда даже устраивая драки из-за того, что Алена без спроса взяла ее новую кофту или помаду. Разница в пять лет была для них пропастью в общении. Алена еще с удовольствием часами каталась на дворовых каруселях, в то время как Алеся красила ресницы и гуляла со старшеклассниками. Но когда Алена попадала в беду, Алеся первая била тревогу и бросалась на помощь сестре. Так и сегодня, пока Алена не вернулась, ее сестра от волнения чуть не сошла с ума, уговаривая бабушку звонить в милицию.

Алена прикрыла глаза, и улыбка счастья заиграла на ее губах.

– А где дядя?

– Ушел. Еще не вернулся.

– Он погнался за мной?

– Сначала да, но, не найдя тебя во дворе, вернулся назад.

– Бабушка, он больше не бил тебя? Только честно!

– Нет. Ты его хорошенько напугала. Ты моя спасительница, – бабушка поцеловала ее в макушку, ощутив на губах сладкий вкус солнечных волос. – Где ты была? Мы обошли с Алесей все улицы.

– Я пряталась в парнике у бабушки Яни.

– Ты спала на земле?

– Да. И мне даже приснился сон. Только, можно, я не буду рассказывать, о чем он...

– Хорошо, – сказала Анна Владимировна, широко улынувшись. – Бедная моя девочка! – она крепко прижала внучку к груди и начала гладить по голове.

– Бабушка, а куда он ушел?

Анна Владимировна смотрела в стену, как будто там был написан ответ.

– Он пошел к своим друзьям.

– Пить водку? – Алена подняла глаза. – Он же поэтому просил у тебя деньги? И ты дала ему?

– Да, дала. У меня не было выбора. Иначе он не ушел бы.

– А когда он вернется, то снова будет бить нас?

– Нет. Больше я этого не допущу, – она так сильно сжала губы, что они стали мертвенно-белыми. – А теперь пошли, я тебя умою, переодену и уложу спать.

– Я не буду спать! Если он вернется, я должна быть рядом с тобой!

– Не переживай. Рядом со мной будет Алеся. Мы посидим возле твоей кровати, пока ты будешь спать, хорошо?

– Хорошо. Так я точно услышу, если дядька придет.

Умывшись теплой водой и надев чистую пижаму, Алена упала на кровать и сразу же уснула. Анна Владимировна села рядом на стул, а Алеся забралась на свою кровать. Алена проспала три часа. Все это время Анна Владимировна сидела рядом, не отходя ни на минуту, поправляя одеяло и глядя внучку по ножке.

Сергей пришел ровно в полдень. Он был настолько пьян, что оставалось загадкой, как он дошел до дома. Спотыкаясь и падая, он дополз до дивана в гостиной и крепко уснул, бормоча себе что-то под нос. Алена в это время гуляла на улице. Придя на обед, она увидела дядю на диване и подошла к нему. Присев рядом на корточки, она стала рассматривать его лицо, на

котором застыла ужасная гримаса боли и усталости. В комнате стоял запах немытого тела и перегара. Алена невольно зажала нос пальцами. Мужчина лежал прямо в одежде. Одна рука свисала с дивана. А ботинки, перепачканные черноземом, покоились на маленькой подушке. Брюки, местами рваные, были в грязи, наполовину расстегнутая рубашка оголяла худую грудь. Алена с ужасом разглядывала представшую перед ней картину. Она не могла поверить, что это был ее дядя, еще несколько дней назад мастеривший с ней кораблики из бумаги, которые они потом вместе пускали в огромной луже перед их домом. Он то и дело вздрагивал во сне, постанывая и кривя лицо от боли.

– Алена, что ты тут делаешь? – Анна Владимировна застыла в дверях, с ужасом наблюдая за внучкой. – Иди на улицу!

– Бабушка, ему плохо, – тихо сказала она.

Анна Владимировна тихо подошла к дивану.

– С чего ты это взяла?

– Посмотри на его лицо. Когда Алеся отравилась и ее тошнило, у нее тоже было такое лицо. Дядя ведь тоже отравился? Только водкой, – она снова посмотрела на него. – Так странно, бабушка, я ведь должна злиться и ненавидеть его, а мне почему-то жаль.

– Мне тоже, котенок, – Анна Владимировна прикрыла глаза, не давая слезам вырваться наружу.

– Бабушка, а почему ты его не сдашь в милицию? Или в вытрезвитель? Тетя Оля, Сашина мама, говорит, что на твоём месте она давно бы его сдала и жила бы себе спокойно.

– Это она так тебе сказала?

– Нет. Я слышала, как она разговаривала с соседкой.

– Она не на моем месте. И никогда на нем не будет, поэтому и не может понять меня. А ведь он мой сын. И я ответственна за его судьбу.

– Но он уже взрослый! И сам должен решать, как ему жить. Так бабушка Яня говорит.

– Для меня он всегда будет маленьким. Это моя судьба, мой крест, и я буду нести его до конца своих дней. Как же можно бросить своего ребенка, когда он попал в беду! А он в беде! Он заболел и не может вылечиться сам. Алкоголизм – это страшная болезнь, которая убивает человека очень быстро. Некоторые могут выкарабкаться и вылечиться, но Сергей не из таких. И поэтому я буду рядом. Если ему вдруг понадобится моя помощь, я должна буду успеть протянуть ему руку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.